

БЮРОГРАФИЯ | В 1932 году, увлечшись романтикой первых пятилеток, Константин Мурзиди отправился на Магнитку

Солнце над горой Орлиной

Подготовил ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ

Константин Гаврилович Мурзиди (1914–1963) – уральский публицист, писатель и поэт, родился на Кубани, рос и учился в Новороссийске, где начал работать журналистом.

Увлечшись романтикой первых пятилеток, отправился в 1932 году на Магнитку, затем работал сотрудником свердловской газеты «Путёвка» до ухода на фронт.

Его первая книга стихов «Отчизна» вышла в 1938 году в свердловском издательстве. Константин Мурзиди известен как прозаик уральской темы. Герои произведений писателя – рядовые труженики, горняки, металлурги, сталевары. Его перу принадлежит роман «Орлиная гора», написанный в 1947 году и изданный в Челябинске (1960).

За вымышленными названиями Тигель, станица Глубокая, Кремнегорск легко угадываются Белорецк, станица Магнитная, Магнитогорск, а за героями – Борис Ручьёв и Михаил Люгарин, Александр Ворошилов и Виктор Калмыков, Людмила Татьяничева и Нина Кондратковская, вся комсомольская братва, построившая светлый и дорогой нам город...

Знакомим читателя с отрывками из этого интересного, незаслуженно забытого романа.

Клад... в друзьях

Уезжая из родного Тигеля строить новый город Кремнегорск, Николай Леонов обещал соседке обязательно навесить там её мужа, мастера Алексея Петровича, который ещё в прошлом году отправился на эту стройку.

Поезд прибыл в Кремнегорск ночью – его держали на каждой станции, пропуская вперёд грузовые маршруты. Нечего было и думать сразу же отыскать нужный адрес. Николай решил заночевать на вокзале – прикурнуть на сундучке, но никакого вокзала здесь не оказалось. Его заменила снятая с колёс теплушка с обрубком рельса вместо станционного колокола. Тут же за теплушкой начиналась степь. В отдалении, у горизонта, призывно и трепетно горели костры. Николаю показалось, что кто-то осенней ветреной ночью запалил на равнине кусты. Он взвалил сундучок на плечо и пошёл вместе с другими в степь.

Всех было человек триста. Большею частью молодые парни с пёстрыми заплечными мешками, с топорами и пилами, обёрнутыми в мешковину, с мастерками, засунутыми за пояс, с лопатами, переброшенными через плечо, словно ружья. Но встречались и старики, и девушки, и женщины с малыши ребятишками на руках.

Из трёх ближайших костров Николай выбрал дальний и пошёл, как после выяснилось, на строительство коксовой батареи. Вдыхая особый запах степного дыма, он остановился у костра, разложенного на краю огромного котлована, поздоровался с рабочими, поставил сундучок и сел на него.

– Откуда? – раздался вопрос. Услышав ответ, помолчали. Земляков, как видно, не оказалось. Сидели – кто на корточках, кто на

небрежно раскинутых брезентовых плащах, кто на обломках кирпича, нахлотившись, набросив на плечи ватники.

– Да, верно... клад копаем, – очевидно, продолжая начатый разговор, сказал молодой рыжеусый рабочий.

– Какой тебе клад! Вот у нас на Волге, в Жигулях, это верно, одно-го золота разбойничьего в кургане найдено было – страх сколько! – заговорил другой.

– Да не в рублях клад, а в друзьях, в людях.

Николай подождал, – не спросят ли о чём? – подумал о чём-то, глядя на огонь и ощущая запах горелой травы, поднялся, отошёл от костра. Теперь он мог различать людей на дне котлована, освещённого факелами.

«Сколько их тут? Пожалуй, не меньше тысячи».

По комсомольской путёвке

Люддей было так много, что хлопающий белым дымком в котловане экскаватор был еле виден. Среди множества землекопов, словно облепивших его, экскаватор сам казался живым землекопом, только огромным, неповоротливым, исполненным великаньего добродушия. Хотелось подойти к нему поближе и помочь, особенно, когда его зубья медленно, с натугой, на предельном напряжении вгрызались в землю. «Что это я как маленький? – усмехнулся Николай, поймав себя на этой странной мысли. И вообще он не узнавал себя. Откуда эта неосознанная, еле уловимая тревога? Откуда это едва ощутимое покалывание в кончиках пальцев? Даже досадно... Он начинал догадываться, в чём дело, но не хотел верить. Неужели оттого, что очутился он вдалеке от дома... один. Должно быть... Ведь это – впервые в жизни. Но, чёрт

возьми, ему же восемнадцать лет! Женить пора, как бы сказала мать.

Он попросил сидевших у костра приглядеть за его сундучком и побегал вниз по рыхлой глине.

Очутившись на дне котлована, он уже не видел экскаватора и не таким резким казался гул мотора, зато слышнее стал скрежет и тонкий свист режущих глину лопат. Николай остановился у первой свежей выемки и при свете факела глянул в лица землекопов. Ночная резкость света и теней придавала их молодым лицам тон суровой, завидной мужественности. Землекоп, шедший посередине, отвалив пласт, распрямил спину и, сунув лопату, сказал:

– В соседнюю бригаду сбегаю.

Нерешительно, боясь, что его принимают за кого-то другого, Николай взял лопату и проговорил:

– Я только с поезда... по комсомольской путёвке.

– Красота! – обрадовался паренёк. – У нас тут на стройке комсомольские ночи, отстающим участкам помогаем. – И, убегая, пообещал: – Утром мы тебя определим, доведём до комсомольского комитета.

Орудуя лопатой, Николай улыбнулся тому, что так просто, без музыки и песен, без торжественного напутствия, без красных знамён, какие всегда бываю на плакатах, началась его новая жизнь, жизнь на большой стройке, о которой такие, как он, ребята мечтали во всех концах страны.

– Отдохни, – посоветовал сосед, когда они достигли межевой отметки. – Не красуйся...

Комсомольская ночь на рутьё котлована далась нелегко. Сундучок оказался таким тяжёлым, что еле поднял его на плечо.

Полотняный городок

– Давай подмогну, – сказал тот паренёк, что обещал довести до комсомольского комитета.

– Нет, я сам... не маленький. Токарем работал...

Они подошли к ручью. Николай услышал кислотоватый запах намоченной в воде ореховой клепки, и запах самой воды, по-особому ошутимый на рассвете, и едва уловимый неокрепший запах трав.

А мир между тем начинал пробуждаться. Слышнее и протяжнее гудели в степи автомашины, донёсся резкий гудок паровоза. Птиц ещё не было видно. Они собирались вдалеке, у Орлиной горы, встречать неторопливое солнце. Где-то в стороне раздался девичий смех, потом детский плач. Минувшая ночь, полная огней и ребячьей тревоги, отодвинулась в его сознании куда-то очень далеко. Лицо его горело, и глаза чуть побаливали, словно он, по глупой мальчишеской выдумке, умылся песком.

Они шли по степи, пересечённой канатами, будто по размежёванному полю. Справа возвышались леса над строящейся домной, чуть подалее возводили дом заводоуправления. Слева виднелись палатки.

– Наш полотняный городок.

Николай огляделся. Туго натянутый, потемневший от росы брезент палаток волновался на утреннем ветру. За палатками пошла землянка, а дальше – бараки.

– Нравится тебе Кремнегорск? – спросил паренёк. – Погоди, солнышко позолотит его – ещё красивее станет. Жаль, что ты раньше не приехал. Недавно город закладывали. Под фундамент первого дома документ положили... погоди, я даже списал себе, послушай. – Он достал из кармана грязную, растрёпанную записную книжку и начал басовитым торжественным тоном: «Июля пятого дня тысяча девятьсот

тридцатого года, в дни шестнадцатого съезда ВКП (б), на северном склоне горы Орлиной в присутствии четырнадцати тысяч рабочих произведена закладка и приступлено к работам по строительству первой части города Кремнегорска». Ясно? Строится этот дом, строится город... а пока в палатках живём, в бараках. Вот... по этой дороге шагай. До следующей комсомольской ночи. Их у нас ещё будет! Скоро плотину строить начнём... помогать придётся. Днём я монтажник, а ночью землекоп. Фамилия моя Якимцев... Ещё встретимся!

Немыслимый простор

Чем ближе подходил Николай к палаткам, тем больше встречалось ему живых, свежих красок, заставляющих забывать об огромном, даже пугающем размахе строительства. Иногда чудилось, будто идёт он по какому-то извилистому страшному ущелью. И то, что простор вдруг суживался до невозможного, тоже пугало. Так легко затеряться среди канав и насыпей, среди клубков проволоки, штабелей леса, оранжевых гор кирпичика. Возникло тревожное чувство: вдруг не найдёшь того, чего ищешь? И сразу вспомнились товарищи, дом, мать...

В Тигеле – все привычно, знакомо, а тут – немыслимый простор. Поэтому так обрадовало бельё на верёвке, протянутой между двумя палатками, особенно белое детское платье. Значит, и здесь, как всюду, есть у людей своё, родное. Будет оно и у него, стоит только найти Алексея Петровича. Да и этот самый Якимцев – тоже вроде как свой.

Николай шёл всё дальше по извилистой сухой дороге мимо угольных навалов, удивляясь яркости зеленеющей между ними травы, мимо куч шомотного кирпича, металлических конструкций, на которых светилась роса, шёл, потеряв направление, боясь, что попадёт совсем в другую сторону. Но вот дорога стала заметно подниматься в гору. И он обрадовался, как радуется человек, когда выходит из высокого, поверх головы, разлива пшеницы, из ледяной, дошедшей до горла, воды. Он почувствовал себя увереннее, свободнее, увидев вершину Орлиной горы.

Гора состояла из трёх холмов: высокого – в центре и двух отлогих – по бокам, и походила на раскинувшего крылья орла. На вершину лёг золотой отблеск только что взошедшего солнца. Не сгорая, горела на ней сухая трава, пламенил немигающим рыжим пламенем огромный остроконечный валун, трава под ним даже издали была яркой, зелёной. И вдруг у подножия валуна каким-то образом – Николай раньше не заметил его – оказался человек. Быстро взобравшись на самую высокую точку, словно заранее определил её, посмотрел из-под руки в сторону восхода и кому-то помахал рукой.

«Не мне ли? – подумал Николай. – Если мне, то какой-нибудь мальчишка... А может, никому, просто так... Но это совсем не мальчишка... Это, кажется, девушка».

Девушка... Тогда уж точно – не ему...

Герои книг писателя – рядовые труженики, горняки, доменщики, сталевары